

Каковы же причины того, что несмотря на такое единодушное недовольство синодальной системой, в бурные 1905–1906 гг., когда мирское общество добилось стольких свобод, церкви не удалось отвоевать для себя почти ничего?

Во-первых, светское общество в целом оставалось далеким от церкви и ее интересов, привыкнув смотреть на нее как на отросток государственности. Более того, будучи в массе атеистической, толкая народ к революции, интеллигенция не хотела видеть церковь сильной, независимой и духовно авторитетной в глазах народа, ведь тогда вера стала бы серьезным нравственным барьером на пути к революции. Синодально-бюрократическая система устраивала и правительство и радикальную левую интеллигенцию.

Во-вторых, церкви, выраженной на традиции «симфонии» между церковью и государством, недостатны были те методы борьбы, к которым прибегало светское общество: резкие нападки и пропаганда против правительства, ультиматумы, забастовки, не говоря уже о терроре.

В-третьих, монархи знали, что к крайним методам борьбы церковь не прибегнет, значит, опасаться нечего и церковные реформы можно отложить до более подходящего времени.

Таким образом, царский указ «о веротерпимости» имел не только политическое, но и психологическое значение: после его выхода у консервативной части общества пошатнулась вера в царское правительство, которое во время роста революционных выступлений фактически отказалось от политического покровительства православию.

Литература

1. *Полонский, А.* Православная церковь в истории России: синодальный период / А. Полонский // Преподавание истории в школе. – 1996. – № 1. – С. 8–25.
2. *Поспеловский, Д.В.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР / Д.В. Поспеловский. – М. : ББИ, 1995. – 268 с.
3. Русское православие: веки истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – 719 с.
4. *Силова, С.В.* Православная церковь в конце XIX – начале XX вв. (К историографии вопроса) / С.В. Силова // Весн. Гродзенс. дзярж. ун-та. Сер 1, Гісторыя. – 2009. – № 3. – С. 87–93.
5. *Фирсов, С.Л.* Церковь в империи / С.Л. Фирсов. – СПб. : Сатисъ, 2007. – 460 с.

Формы и методы проведения антицерковной политики советского руководства в 1920-е годы (на примере Гомельщины)

Грищенко Ирина Адамовна,

Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого
(г. Гомель, Беларусь)

С опорой на архивный материал автор анализирует формы и методы борьбы советской власти с православной церковью, а так же с проявлением религиозности среди населения Гомельщины.

Антицерковный характер политики большевиков проявился в первых же законопроектах 1917–1918 гг. Итогом стал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.). При неизменности позиции в отношении церкви, методы и формы борьбы с религией и церковью, предлагаемые советским руководством, были весьма противоречивы.

Непоследовательность действий большевиков в отношении церкви можно проследить по партийным циркулярам и сводкам ГПУ на примере Гомеля: «Закрытие церквей в деревне должно проводиться в административном порядке без нарушений законности. Нельзя создавать ореол мученичества вокруг религии и ее служителей. В то же время целесообразно усилить и развернуть агитацию за передачу церковных помещений под школы и иные культурные учреждения, за снятие части колоколов для тех или иных нужд». Циркуляры призывали парработников проявлять в работе с верующими такт, терпение и опираться на мнение большинства, которое (мнение) необходимо было формировать в нужном партии направлении [1, л. 46, 54]. Циркуляр ЦК по вопросам антирелигиозной агитации в отношении средств предупреждал, что «нарочито грубые приемы вместо серьезного анализа и разъяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [1, л. 67]. Процедура снятия икон в домах коммунистов и комсомольцев нередко сопровождалась глумлением над святынями, вызывая у крестьян негативную реакцию [2, л. 145]. Конфликты на этой почве возникали повсеместно (д. Новый Радин Комаринского р-на, с. Яново Ветковского р-на, д. Дворище Хойницкого р-на) [3, л. 116].

Во второй половине 1920-х гг. власти запретили проводить так называемые антипасхальные карнавалы с сожжением богов, вызывающие недовольство и приводящие к столкновениям с жителями деревень. Подчеркивалась важность систематической работы с привлечением специалистов высокой квалификации, которые делали бы упор на научный подход в критике религии [4, л. 22–22 об.]. Партийные инструкции рекомендовали антирелигиозную кампанию доверять учителям, беспартийным и так умело поставить антирелигиозную, антицерковную работу, чтобы инициатива партии была незаметна [1, л. 55].

В целях активизации антирелигиозной пропаганды, создавались ячейки союза «Безбожников». Однако пополнение новыми членами на Гомельщине шло медленно, и членство часто носило формальный характер [5, л. 25]. Партийное руководство категорически запрещало участвовать, даже пассивно, членам партии и комсомольцам в религиозных обрядах. За венчание, крещение ребенка, отпевание, крашение яиц, освящение куличей и пасок следовало исключение из партии [6, л. 96; 7, л. 3; 8, л. 105].

Активизация антирелигиозной работы приходилась на канун больших церковных праздников – Пасхи, Рождества, Благовещенья и др. Как правило, на эти дни составлялись планы проведения «комсомольских рождества и пасхи»: субботники, мероприятия в клубах [2, л. 56, 75, 84]. Это нередко вызывало раздражение у рабочих, которые, кроме нежелания работать сверхурочно, хотели встретить Пасху в церкви.

В сводках ГПУ отмечается крайне неудовлетворительная работа в области антирелигиозной агитации на гомельских предприятиях «Красный Мельник», «Красный Химик», «Везувий», «Гомсельмаш», «Красный Октябрь». На фабрике «Везувий» большой процент рабочих составляли бывшие крестьяне, чем и объяснялась

их религиозность. Так на Благовещение 1930 г. каменщики и плотники массово не вышли на работу (150 человек). В первый день Пасхи 1930 г. не вышло на работу 60% всего состава рабочих г. Гомеля. Как отмечалось в отчетах ГПУ, под поповским влиянием оказались не только беспартийные, но и рабочие члены партии. Посещаемость церкви на пасху в 1930 г. значительно выросла по сравнению с прошлым годом [3, л. 30–31].

Советское руководство в своей антицерковной политике попыталось использовать реформаторский потенциал самой Церкви, который реализовался в обновленческом движении. Грубое вмешательство властей во внутреннюю церковную жизнь приходило в противоречие с советским законодательством, а именно с принцип отделения Церкви от государства. Для большевиков обновленчество – способ дискредитировать Церковь в глазах верующих и расколоть ее изнутри. Сотрудничество советского руководства с так называемыми «новыми церковниками» – тактический ход, а не программная позиция. Циркуляр Гомельского губернского комитета РКП(б) в отношении обновленчества отмечает, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается, несмотря на то, что она перестала быть контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», однако «все равно является носителем религиозного дурмана» [1, л. 55]. Заинтересованность советской власти в успехе обновленчества объясняется так же желанием создать себе определенный имидж на Западе, как власти толерантной, демократичной, гуманной. Комментируя арест патриарха Тихона, власти настаивали на правильной оценке своей политики со стороны обновленческого собора: «Мы осудили Тихона не как патриарха, не как священника, а как политического преступника, контрреволюционера. ...Все обвинения по нашему адресу в том, что мы притесняем религию, преследуем духовенство есть сплошная клевета» [1, л. 55].

Гомельские священники с установлением советской власти в большинстве своем ушли в обновленчество. Ситуацию исправил приезд в Гомель в качестве викарного епископа Могилевской епархии Тихона (Шарапова) (1886 - 1937). По приезде в Гомель 3 апреля 1925 г. он проявил такую активность, что в Москву от гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «...епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии... В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...» [9, с. 59]. Эффективность мероприятий агитпропа могли усилить только репрессии в отношении духовенства и верующих.

Литература

1. Цирюляры губкома укомам и райкомам Гомельской РКП // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 2. Оп. 1. Д. 338.
2. Резолюции и циркуляры ЦК и губкома по вопросам антирелигиозной агитации // ГАООГО. – Фонд 2. Оп. 1. Д. 514.
3. Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроении рабочих Гомеля. 1930 // ГАООГО. – Фонд 3. Оп. 1. Д. 714. Т. 2.
4. Переписка агитпропа Гомельского укома РКП с волкомами по вопросу агитработы // ГАООГО. – Фонд 2. Оп. 1. Д. 489.
5. Протоколы заседания секретариата горкома КП(б)Б // ГАООГО – Ф. 265. Оп. 1а. Д. 101.

6. Протоколы заседаний бюро Гомельского губкома РКП(б). // ГАООГО. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 1863.
7. Протоколы заседаний бюро Речицкого райкома КП(б)Б. – Ф. 451. Оп. 1а. Д. 51.
8. Комсомольская ячейка губсуда. 1923 // ГАООГО. – Ф. 108. Оп. 1. Д. 8.
9. Косик, О.В. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / О.В. Косик. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.

Проблемы ўзаемаадносін польскіх улад з прадстаўнікамі канфесій нацыянальных меншасцей у Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг.

Дудкін Яўген Якаўлевіч,
Сярэдняя школа № 38 г. Гродна (г. Гродна, Беларусь)

Разглядаюцца асаблівасці ўзаемаадносін у канфесійнай сферы дзяржаўных улад II Рэчы Паспалітай з нацыянальнымі меншасцямі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд 1921–1939 гг.

11 лістапада 1918 г. была адроджана незалежная Польская дзяржава. На працягу трох год Версальская мірная дамова, плебісцыты ў Верхняй Сілезіі і Мазурах, савецка-польская вайна акрэслілі межы маладой II Рэчы Паспалітай, у якіх з таго часу пражывала вялікую колькасць няпольскага насельніцтва [1, с. 224]. Так, каля 30% грамадзян Польшчы былі прадстаўнікамі нацыянальных меншасцей [6, с. 98].

Некаторымі дзяржаўнымі коламі і часткай польскага грамадства Трактат нацыянальных меншасцей ці Малы Версальскі дагавор, які меў задачу абарону правоў нацыянальных меншасцей, быў успрыняты як акт дыскрымінацыі. Так, “Gazeta Polska” у сваім нумары за 16 чэрвеня 1919 года пісала, што “добра, калі дзяржавы, якія з’яўляюцца членамі Лігі Нацый і маюць права ўмешвацца ў нашыя ўнутраныя справы, будуць да нас адносіцца па-сяброўску, не будуць імкнуцца да алаблення Польшчы і пашырэння анархіі знутры яе” [8, с. 23–24].

Актыўная дзейнасць беларускіх каталіцкіх святароў, якая была накіравана на пашырэнне ўжытку беларускай мовы ў богаслужэнні нярэдка прыводзіла да турэмнага зняволення ксяндзоў, напрыклад, Вінцэнта Гадлеўскага. Самым пашыраным метадам было выкарыстанне польскімі каталіцкімі ўладамі па просьбе дзяржаўных улад перавод “каталіцкіх святароў-беларусаў у парафіі карэннай Польшчы”. Так, напрыклад, здааылася з ксяндзом В. Шутовічам, а вось Ф. Абрантовіч і Я. германовіч былі высланы ў Харбін, то бок, высланы за межы краіны. На пустыя месцы ў парафіях прызначаліся ксяндзы з ліку паланіфілаў [7, с. 53]. Вялікую ролю ў напрыжванні адносін паміж ксяндзамі-каталікамі і дзяржаўнымі ўладамі актыўны ўдзел першых у партыі Беларуская Хрысціянская Дэмакратыя, якая вяла барацьбу з палітыкай паланізацыі. У 1935 г. камуністы БССР адзначалі выказванні друкаванага выдання партыі “Беларуская Крыніца”: “Патрэбна царкву наблізіць да мас, зрабіць яе больш даступнай масам, а гэтамагчыма зрабіць толькі праз яе беларусізацыю” [5].

Становішча праваслаўнай царквы было яшчэ горшым, колькі яна страціла статус дзяржаўнай, які мела ў часы Расійскай імперыі, і асацыявалася ў польскага бока з былой краінай-удзельніцай падзелаў Рэчы Паспалітай. Таму, напры-